

СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ И РУСИСТИКА В ГЕРМАНИИ¹

Статья посвящена истории и современному состоянию славистики и русистики в Германии. Рассматриваются жанры исследований: биографии, литературные эссе, компаративные работы. Анализируется восприятие русской литературы сначала как «голоса русской души», а затем как части мировой классики. Показан переход от популяризаторских трудов к академическим монографиям и критическим изданиям. Описаны новые тенденции – изучение литературы русской эмиграции и «возвращенного наследия». Выявлено расширение методологических рамок за счет междисциплинарного подхода и развития цифровых технологий. Анализируются новые издания по истории литературы и компаративистике. В результате автор приходит к выводу о том, что русистика и славяноведение в Германии имеет богатые традиции, восходящие к XVIII веку. Особенно отмечается, что современная русистика и славистика в Германии сочетает академическую глубину и открытость новым подходам.

Ключевые слова: славистика, русистика, Германия, классическая литература, модернизм, университеты, компаративистика

Германская протославистика восходит к началу XVIII века, когда состоявшие на русской службе немцы пытались в своих сочинениях обобщить первые сведения о русской культуре (Берков, 1930). Тогда же свои обзоры русской литературы начали публиковать в немецкой периодике и сами россияне. Уже в 1768 году русский аноним опубликовал первый биографический словарь русских писателей под названием *Известия о некоторых русских писателях* в двух выпусках лейпцигского журнала *Neue Bibliothek der schönen Wissenschaft und der freien Kunst* (Новая библиотека изящных искусств и свободных художеств).

Однако первая систематизированная история русской литературы под заголовком *Литературные картины России* (*Literarische Bilder aus Russland*) была выпущена Г. Кенигом (König, 1837) с помощью Н. Мельгунова лишь в

* tyap74@mail.ru

¹ Статья в обновленном, дополненном, переработанном и улучшенном виде основана на одной из глав диссертации И.С. Тяпкова «Русский символизм в рецепции англо-американского и немецкого литературоведения: вопросы истории и теории», защищённой в 2000 году в Ивановском государственном университете.

1837 году и представляла собой несколько произвольный набор имен поэтов и писателей «романтически-философического» направления: Бенедиктова, Веневитинова, Марлинского и Хомякова. В наши дни продолжают выходить систематизированные работы по русской литературе (Städtke, 2002).

Первая глубокая статья о Пушкине, в которой подчеркивалось мировое значение поэта, принадлежит перу видного немецкого историка, критика и публициста, друга Гейне Фарнгаген фон Энзе (Varnhagen von Ense, 1838).

На первое место в русской литературе поставил Пушкина и Вильгельм Вольфзон, выходец из России, выпустивший в 1843 году первое собрание избранных переводов с русского языка, в которое наряду с подробным критическим очерком вошли *Слово о йолку Игорева*, образцы русского фольклора и стихи Ломоносова и Державина (Wolfsohn, 1843).

В 1848–1851 годах Вольфзон издал еще три тома переводов под общим заглавием *Русские новеллисты*, куда в числе других произведений вошли *Кайишанская дочка* Пушкина и *Кшо виновай?* Герцена (Wolfsohn, 1851).

Интерес исследователей к Пушкину сохраняется и в наши дни (Conradi, 2003; Hartmann, 2013). Так, например, Андреас Эббингауз в своем исследовании творчества Александра Пушкина (Ebbinghaus, 2004), сосредоточившись на романах *Евгений Онегин* и *Кайишанская дочка*, выходит за рамки анализа поэзии Пушкина, чтобы раскрыть его глубокие связи с русской культурой и историей. Он показывает, как Пушкин через стихи, прозу и драму рефлексировал над вопросами собственной идентичности и места русской литературы в контексте ее национальной самобытности, поднимая актуальные культурные проблемы своего времени.

Хотя место Александра Пушкина в русской литературе бесспорно, масштабы его воздействия на европейскую интеллектуальную и культурную жизнь остаются недооцененными. В сборнике *Александр Сергеевич Пушкин и европейская интеллектуальная и культурная жизнь* (Alexander S. Puschkin und das europäische Geistes- und Kulturleben) (Vyslonzil, 2003) представлены статьи, направленные на раскрытие малоизвестного аспекта творчества Александра С. Пушкина – его значительного влияния на европейскую интеллектуальную и культурную среду, помимо его общепризнанного статуса основоположника русской литературы. Авторы исследуют феномен Пушкина, выделяя его выдающиеся качества: широкую образованность, глубокие знания истории, тонкое понимание человеческой психологии и непревзойденное эстетическое чувство. Эти качества, по мнению авторов, делают Пушкина не только выдающимся русским классиком, но и важной фигурой в истории европейской мысли.

О месте других классиков русской литературы в литературе мировой писал Роте (Rothe, 2013, 2020), Шмид (Schmid, 2010), Штраух (Strauch, 2018) и другие.

В свою очередь, авторитетный литературовед Р.-Д. Кейл, получивший известность благодаря биографиям Гоголя (1985) и Пушкина (1990/2003), в сборнике *Пушкинско-гоголевские исследования (Puškin- und Gogol'-Studien)* (Keil, 2011) представляет ретроспективу своих филологических работ о Пушкине и Гоголе на немецком, русском и французском языках, созданных за почти пятьдесят лет (1961–2007). Сборник включает как переизданные, так и новые исследования, в основном посвященные интерпретации конкретных текстов и охватывающие широкий диапазон тем, от индивидуальных интерпретаций стихов Пушкина до анализа эстетических идеалов Гоголя. Небезынтересна и другая книга уже упомянутого Роте *Пушкин: судьба поэта, трансформации в его поэзии* (2009).

В 1840-е годы с небольшим отставанием от Франции в Германии и Австро-Венгрии начали создаваться и академические основы славяноведения как научной дисциплины. Кафедры славистики одна за другой открывались в Берлине (1841), Бреславле (1842), Лейпциге и Граце (1870), куда для чтения лекций были приглашены ведущие слависты своего времени: Шафарик, Гелаковский, Миклошич и другие.

До конца XIX века немецкая русистика, главным образом по идеологическим причинам, имела лингвистический уклон, что отчетливо выразилось в публикациях того времени в журнале *Archiv für Slavische Philologie (Архив славянской филологии)* (1976–1929), который был на протяжении многих лет ведущим международным печатным органом славяноведения.

Журнал был основан видным текстологом, автором фундаментальной *Истории славянской филологии* (Ягич, 1910) Ватрославом Ягичем (1838–1923), крупным специалистом в области древних славянских текстов, активно сотрудничавшим с Российской академией наук.

Изучение русской литературы было по преимуществу сферой профессиональных занятий не филологов, а критиков, историков, публицистов, общественных деятелей, издававших популяризаторские книги, к лучшим из которых можно отнести работу о Тургеневе Эугена Цабеля (Zabel, 1884) и очерки по истории русской литературы XIX века Эрвина Бауера *Натурализм, нигилизм и идеализм в русской литературе (Naturalismus Nihilismus in der russischen Dichtung)* (Bauer, 1890).

Достойным вкладом в немецкую литературную русистику стали первые *Истории русской литературы* – изданные русским немцем Александром Рейнгольдом (Reinhold, 1886) и Георгом Полонским (Polonskij, 1902).

В начале XX века вышла написанная видным польским славистом, профессором Берлинского университета, Александром Брюкнером капитальная *История русской литературы (Geschichte der russischen Literatur)* (Brückner, 1905). Впоследствии книга была переведена на английский, голландский, чешский, польский и русский языки.

Спустя два десятилетия в Германии была издана столь же фундаментальная *История русской литературы (Geschichte der russischen Literatur)* (Luther, 1924), автор которой Артур Лютер был в 1890-е годы связан с рус-

скими символистами, и в его работе вместе с пыпинскими традициями культурно-исторической школы, ощущавшимися в немецких *Историях...*, начинающая с Рейнгольда, сказалось влияние модернистов и прежде всего Мережковского.

Под сильным влиянием эстетики модернизма находился и давний сотрудник русских символистских журналов Александр Элиасберг, за два года до Лютера выпустивший краткий очерк истории русской литературы от Пушкина до акмеизма (Eliasberg, 1922).

Автором предисловия к *Истории...* Элиасберга был Томас Манн, писавший, что русские писатели «все до единого борцы и герои души, мученики великой ответственности перед идеей человечества» (Григорьев, 1977: 94). Примечательна в данном восторженно-исповедальном отзыве Т. Манна мысль о мученическом и героическом служении русских писателей некой всечеловеческой идее, что парадоксальным образом, по сути, совпадает с некоторыми ведущими предпосылками «остфоршунга» при полярной, правда, противоположности оценок.

В XXI-м веке предпринимаются попытки систематизации истории русской литературы отдельных периодов (Klein, 2008); (Lauer, 2000) или даже отдельных культурных парадигм, таких, например, как «Зло» (Zelinsky, 2008) или Дьявол (Franz, N. 2019) в русской культуре или «Зло» в русском символизме (Kravets, 2009).

О восприятии русской литературы с XVIII века до наших дней немецкоязычными писателями, критиками и литературоведами рассказывает созданный Юргеном Леманом сборник *Русская литература в Германии* (*Russische Literatur in Deutschland*). (Murašov, 2016).

Немецкоязычные деятели культуры с XVIII века активно взаимодействовали с русской литературой, черпая вдохновение у Тургенева, Достоевского, Толстого и других. Это взаимодействие, включая работы Рильке, Кафки и Брехта, способствовало смене парадигм в немецкой литературе, например, появлению модернистского романа. В книге также анализируется роль посредников: переводчиков, издателей и критиков.

Вне зависимости от того, что литературная русистика до 1930-х годов развивалась в Германии практически вне академических центров, немецкие читатели и исследователи получили многие вполне добротные работы о русских поэтах и писателях.

Особую популярность в Германии приобрел Достоевский. Немецкая литература о нем к началу 1930-х годов стала столь обширной, что потребовалась значительная библиографически-систематизирующая работа, которую успешно осуществил Т. Кампман (Kampman, 1931).

Значительные работы о Достоевском и Толстом были созданы выдающимися немецкими писателями Стефаном Цвейгом и Томасом Манном.

Толстому была посвящена капитальная двухтомная монография К. Нетцеля, он же написал крупные работы о Достоевском и русском романе (Nötzel, 1915; 1925; 1920).

Сравнительный анализ пяти немецких переводов романа *Бесы* уже в нашем веке предложила современной науке о литературе Марина Когут (2009). Множество работ посвятил классической русской литературе Х. Гериг (Gerigk, 2000; 2011; 2013), Ноехаузер (Neuhäuser, 2008), Клюге (Kluge, 2021), Кошмаль (Koschmal, 2023) и другие литературоведы. Особенно специфический взгляд на творчество Достоевского мы можем наблюдать в работе Касперса (Caspers, 2012) о восприятии и интерпретации произведений классика в советское время.

С конца 1990-х выходит ежегодник Немецкого общества Достоевского, который представляет собой сборник докладов, прозвучавших на конференциях, организованных Обществом. Сборник демонстрирует широкий спектр подходов к изучению творчества Достоевского, рассматривая различные аспекты его произведений. Статьи, написанные на немецком языке, посвящены литературным, теологическим, этическим и философским проблемам, поднятым в текстах писателя.

В 2010-20-х годах в издательстве Peter Lang в серии Slavic Studies Немецкое общество Достоевского выпустила целый цикл, состоящий из нескольких тематических томов: *Достоевский и С.-Т. Петербург. Город и его литературный миф*; *Достоевский и изобразительное искусство*; *Закон и справедливость в художественной литературе и публицистике русского писателя*. Один из томов *Поэзия есть поэзия. Достоевский, Россия и немецкая литература* полностью посвящен исследованию связей между немецкой и русской литературой, с акцентом на творчестве Достоевского. В статьях анализируется взаимодействие ключевых немецких писателей, таких как Герхарт Гауптман, Томас Манн, Франц Кафка и Роберт Музиль, с наследием Достоевского, рассматривая как их творчество, так и личные взгляды. Авторы сборника также изучают особенности восприятия русской литературы в Германии, уделяя особое внимание теме «доброго сердца» в произведениях русских писателей.

Необходимо отметить, что литературная русистика, долгое время лишенная систематичности, была вместе с тем чрезмерноотяжелена идеологическими задачами «остфоршунга», т.е. «изучения Востока» сквозь призму одиозной политики "Drang nach Osten".

"Ostforschung" как развернутая программа возник на созданной в 1892 году кафедре восточноевропейской истории Берлинского университета, которой руководил Теодор Шиманн (1841–1921). Позднее «остфоршунг» был развернут в ряде специальных научных институтов: Ost-Europa-Institut в Бреславле (1918), Институте исследований России в Кенигсберге (1919). После второй мировой войны, с 1952 года самым крупным и деятельным стал Ost-Europa-Institut в Мюнхене.

Известные исторические события начала века, затем острейшие противостояния между гитлеризмом и сталинизмом, «горячие» и «холодные» войны мало способствовали углублению подобных институтов в собственно культурологические и филологические проблемы. К тому же главная установка «остфоршунга» была сориентирована на Россию как на отсталую во всех сферах страну, которую следует «окультуривать», «цивилизовать», преодолевая дикость и природную агрессивность «восточного империализма». Роль Германии в этом процессе часто намеренно преувеличивалась как в экономико-политической, так и в социо-культурной сферах.

В сфере изучения немецко-русских литературных связей сторонники «остфоршунга» исходили из трех основных предпосылок: первая утверждала глубочайшее ментальное различие между «западной» (немецкой) и «восточной» (русской) литературами; вторая указывала на однозначно определяющее влияние немецкой "Hochkultur" и литературы на русскую, не замечая, очевидно, при этом, что второе утверждение нивелирует различие, продекларированное в первом; третья опиралась на демонстрацию перманентной угрозы панславизма как выражения природной агрессивности русского народа.

Эти и ряд других идеологизированных установок, подчеркивающих непреодолимую дихотомию Восток-Запад, искажали научную объективность многих высококачественных в фактологическом отношении работ немецких исследователей.

Постоянная угроза «панславизма» подчеркивается в трудах специалиста по немецко-русским литературным связям XVIII - начала XIX веков Конрада Биттнера. Влияние Гердера как носителя немецкой "Hochkultur" на Радищева, Карамзина, Жуковского, С. Аксакова анализировалось Биттнером в ряде его работ 1950-х годов, в которых подчеркивалось редуцирование и искажение высокой гердеровской философии примитивными идеями славянофильства и панславизма (Bittner, 1956; 1959; 1961).

Еще более остро ту же проблематику выделял директор отделения славистики Института изучения Восточной Европы при университете в Майнце профессор Ф. В. Нейман, в которой прямо утверждалась мысль о тотальной культурной и литературной зависимости России от Германии. В своих послевоенных статьях Нейман постоянно указывал на контрастные, по его мнению, различия русского и немецкого характеров, высеченных национальными литературами (Neumann, 1956: 139–162; 1960: 113–130). Первому свойственны тяготение к миру маргиналов, идиотов, греха, страдания, грязи и падений, одинаково ведущих к Богу и Раскольникова, и убийц из блоковских *Двенадцати*. Цивилизующее воздействие германской "Hochkultur" на русскую литературу продемонстрировано Нейманом в обзоре немецкой тематики в русской литературе с XVIII по XX век *Германия в русской литературе* (*Deutschland in russische Schriften*) (Neumann, 1960).

О «псевдоморфозе» и примитивизации немецких идей русскими писателями писал и один из авторитетнейших в германской славистике ученых Дмитрий Чижевский, эмигрант из России, бывший член Пражского лингвистического кружка, долгое время возглавлявший Славянский институт при университете в Гейдельберге.

Чижевский является общепризнанным авторитетом в области "Geistesgeschichte", т.е. «истории идей», зачинателем которой считается Вильгельм Дильтей, исходивший из противопоставления естественнонаучного детерминизма и гуманитарной «истории идей» в их адетерминистской идеалистической внеположенности. «История идей» стала во многом той методологической базой, на которой Чижевский проводил свой анализ художественного и философско-религиозного наследия славянских писателей и мыслителей, начиная с написанного им во время работы в США *Очерка сравнительной истории славянских литератур* (*Outline of comparative Slavic Literatures*) (Cizewski, 1952).

Свою концепцию развития русской культуры Чижевский представил в двух известных работах *Святая Русь* (Tschizewskij, 1959) и *Россия между Востоком и Западом* (Tschizewskij, 1961). Развивая идеи Бердяева и ряда других российских философов начала XX века об особом пассивистском характере религиозности, лежащей в основе русской культуры², Чижевский анализирует ущербность национальной утопии теократического абсолютизма, порожденного древней мессианской мифологемой «святой Руси» и простирающейся вплоть до советской эпохи преклонения перед «патером» и «интернационалом», «навек сплоченном великой Русью».

На историческом пути вечных метаний России между Востоком и Западом единственную конструктивную альтернативу выморочной утопии «мессианской святости» Чижевский видит в идее «евразийства», получившей широкое распространение в 1920-е годы и актуализировавшейся в наше время.

Сторонник формального метода в литературоведении, Чижевский предельно схематизирует развитие русской культуры в ее колебательном движении между татарско-византийским Востоком и просвещенным Западом. При этом, полагает ученый, западные идеи и художественные формы (либерализм, классицизм, романтизм и др.) при соприкосновении с «русским духом» редуцировались или утрировались, превращаясь в малоузнаваемых по сравнению с оригиналом симбиотических уродцев (Чижевский, 1950: 90–91, 114–115).

Через несколько лет, существенно пересмотрев многие идеи «остфоршунга» и «евразийства», Чижевский перешел на более объективную и филологически корректную позицию, сформулированную им в лекционном курсе

² См. соответствующие работы Н. Лосского, Вл. Соловьева, В. Ильина, В. Розанова и др.

истории русской литературы, который вышел в виде двух полутомов – *Романтизм и Реализм* (Tschizewskij, 1964; 1967).

В первой части Чижевский, рассматривая свою излюбленную тему Гоголя, выдвигает позже широко распространившуюся на Западе мысль о несовместимости гоголевского метода с реализмом. Вторая часть во многом посвящена резкой полемике с тем пониманием овнешненной и «грязной» изобразительности реализма, которое, по Чижевскому, выдвинул Белинский и которому противопоставлена идея Р. Якобсона о «метонимической» природе реализма, способного в лучшем случае создать лишь слабую «иллюзию верности истине» (Чижевский, 1964: 11–15). Следует отметить, что вместе с излишне отвлеченной и укрупненной схематизацией, позволяющей просматривать сквозь время целые литературные эпохи, в книге Чижевского содержится множество глубоких и точных наблюдений над «единичными явлениями художественного стиля» в творчестве Тургенева, Толстого, Достоевского, Некрасова, Лескова и особенно Гончарова.

Позднее в Западном Берлине в двух небольших полутомах вышел немецкий вариант американской (1952) книги Чижевского *Сравнительная история славянских литератур* (Tschizewskij, 1968; 1972). Здесь также проявилось редкое умение ученого пронзить мысленным взором этапы развития литературы огромного славянского региона на протяжении нескольких веков. Решительно отменяя мистификации вроде пресловутого «славянского самосознания», Чижевский стремится показать единство славянских литератур, которое вместе с общностью языка и принадлежностью к христианству выразилось в повторяемости «больших» общеевропейских «стилей»: ренессанса, барокко, классицизма, романтизма, реализма и модернизма.

Для наглядности Чижевский изобразил литературный процесс в виде синусоиды, вершинные проявления которой (верхняя и нижняя точки синусоидальных волн) колеблются между стилем прозрачной, гармоничной ясности и антитетичным ему «темным», напряженным стилем. От раннего средневековья – времени появления славян – линия развития в схеме Чижевского спускается к позднему средневековью, затем поднимается к ренессансу, вновь ниспадает – к барокко, чтобы затем взметнуться к классицизму и потом, чередуясь, опуститься к романтизму, подняться к реализму и завершиться модернизмом (неоромантизмом). Вся современная литература рассматривалась Чижевским как различные модификации модернизма. Попутно Чижевский делает существенную оговорку, что «стили» не умирают целиком, а в том или ином проявлении, в той или иной мере живут в последующих стилях.

Предупреждая, что его «синусоида» всего лишь схема. Чижевский в следующей, более подробной схеме располагает между кульминациями синусоидных волн промежуточные проявления стиля: между ренессансом и барокко – маньеризм, между барокко и классицизмом – производный стиль рококо, сентиментализм (чувствительность) помещается между классицизмом

и романтизмом, "Biedermeier" (т.е. опошленный романтический стиль) – между романтизмом и реализмом, а импрессионизм – между реализмом и модернизмом.

Русская литература в схеме Чижевского начинается с барокко, которое она, как, впрочем, и все другие стилевые проявления (рококо, «бидермайер», импрессионизм) заимствовала у Запада – и всегда с весьма значительными искажениями в виде редукции или утрирования.

Следует подчеркнуть, что исторические события в социально адетерминистской синусоиде Чижевского играют очень малую роль, и, к примеру, о марксизме ученый говорит как о незначительном ("unbedeutend") эпизоде в разворачивании литературного процесса, движимого имманентными внесоциальными законами.

Несмотря на предельность обобщений в работе Чижевского содержатся интереснейшие суждения об отдельных деталях литературного развития, неожиданно, на поверхностный взгляд, перекликающихся в разных стилевых эпохах. Так, в русском символизме исследователь первым отметил проявления барочного мотива лабиринта и «безнадежного блуждания» в нем чело- века (Tschizewskij, 1972: 95). Очень важными при этом представляются заключительные слова ученого, свидетельствующие о необходимости восприятия мирового литературного процесса как органично развивающегося единства, которое требует комплексного осмысления исследователями всех стран. «Нельзя идти при этом, – справедливо отмечал Чижевский, – старыми путями установления (часто кажущихся) заимствований отдельных элементов из чужих литературных произведений; следует искать принципиальные стилистические воздействия в произведениях того или иного значительного поэта, не частности, а общее отношение его к действительности и определенную принципиальную поэтическую интуицию» (Tschizewskij, 1972: 111).

В заслугу Чижевскому следует также поставить его активную редакторско-издательскую деятельность, о которой следует говорить отдельно.

Идеи «остфоршунга» в сочетании с формальной методологией в анализе литературных явлений были присущи работам другого видного немецкого русиста В. Сечкарева, подробно изучавшего влияние эстетики Шеллинга на Пушкина, Герцена, Тютчева, Кольцова, автора *Истории русской литературы* (Setchkareff, 1949), 2-е изд. 1962), книг о Гоголе (1953), Лескове (1959), Пушкине (1963). «Остфоршунг» у Сечкарева выступает в облике эстетического превосходства западной культуры над русской, и поэтому не случайно ученый отдает предпочтение тем сторонам творчества русских писателей, в которых слышны ноты «чистой любви к искусству».

В 1963 году на английском языке была издана книга Сечкарева *Исследование жизни и творчества Иннокентия Анненского*. Не признавая за автором *Кийарисового ларца* ни малейшей приверженности к социальной злободневности России начала XX века, Сечкарев, тем не менее, признает, в отли-

чие от Чижевского, что так называемая «социальная тема» или «политические тезисы» после 1905 года играют большую роль в поэзии символистов.

Примером постепенного отхода с позиций «остфоршунга» и более объективного отношения к русской литературе являются труды известного немецкого русиста Максимилиана Брауна. В его книге *Русская литература в XIX веке* (Braun, 1947) еще преобладала «западническая» концепция окультуривающего влияния Европы на «отсталую» русскую духовную жизнь. Однако, спустя десятилетие, в небольшой по объему работе *Борьба за действительность в русской литературе* (Braun, 1958) Браун признавал своеобразие русского реализма в его тяготении к публицистике и непосредственному участию в общественной борьбе, а творческий метод русских писателей он оценивал как «скорее активно разъясняющее вмешательство, чем описание».

В последующих книгах о Гоголе (Braun, 1973), Достоевском (Braun, 1976) и особенно Толстом (Braun, 1978) профессор Браун последовательно приходит к выводу о необходимости изучать творчество каждого русского писателя в контексте общественной и духовной жизни России, а не в отвлеченных параметрах смоделированной по Чижевскому смены общеевропейских «стилей».

Из работ 50-60-х годов как научно объективные следует отметить исследования А. Раммельмайера о рецепции русской литературы в Германии.

Стендер-Петерсен пытался сконтаминировать «формальный компаративизм» и имманентный принцип анализа с концепциями, сложившимися к тому времени в советском литературоведении, что привело к несколько эклектичному, но более достоверному, нежели у «остфоршунгеров», взгляду на становление и развитие русской литературы.

В шестидесятые-семидесятые годы тенденция к углубленному изучению разных сторон истории русской литературы в немецкой славистике проявляется все более отчетливо. Традиции К. А. Фарнгагена фон Энзе, А. Брюкнера, М. Фасмера и последующих поколений русистов в Германии были успешно продолжены и поставлены на более прочную организационную основу (Григорьев, 1977: 86). В 1957 г. рабочее сообщество по изучению Восточной Европы при Марбургском университете начало издавать *Марбургские записки по истории и культуре Восточной Европы* (*Marburger Abhandlungen zur Geschichte und Kultur Osteuropas*).

Во втором выпуске серии была опубликована монография Фридриха Филиппа *Толстой и протестантизм* (Philipp, 1959), в которой в толстовской проекции исследуется благотворное влияние западной религиозной мысли на восточную, протестантизма на православие.

Работа Филиппа располагается в русле целого ряда исследований германских славистов о связи русской литературы с философско-религиозной мыслью своего времени, к которым можно отнести работу И. Хэрдера *Человек в русском романе* (Härder, 1961) с разработкой темы «христианского ре-

лизма» у Лескова, а также фундаментальную монографию О. Мюллера об Иване Кириевском *Русский интеллект в европейском кризисе* (Müller, 1966).

Несмотря на явное преобладание в названных работах идей "Geistesgeschichte" в них содержится значительный объем тщательно отобранных и продуманных материалов культурно-исторического характера, которые обретали дополнительную научную ценность в связи с тем, что они попросту игнорировались советским литературоведением того времени.

Шестой выпуск *Марбурјских записок* был занят монографией Наталии Ребер *Очерки к мотиву двойника у Достоевского и Э. Т. А. Гофмана* (Reber, 1964), плодотворно, на наш взгляд, соединившей компаративистский подход с «феноменологическим», по определению самого автора, сопоставлением Достоевского и Гофмана. Книгу отличает большой объем фактического материала, хорошо изученная история вопроса и подчеркнутое противостояние методологическому историзму. Последнее обстоятельство позволило исследовательнице, соединившей в своей работе сравнительный метод и формально-структурный анализ, увидеть в мотиве «двойника» у Гофмана и Достоевского не явления исторически обусловленной романтической эстетики, а архетипическую стилистическую «единицу», перемещающуюся из одной литературной эпохи в другую.

Подобный имманентизм в прослеживании движения архетипичных стилистических модулей сквозь литературу вне социальных, религиозных и иных детерминант получает все большее распространение в современном российском литературоведении, особенно среди так называемых «онтологов», и внимательное изучение даже давних трудов наших западных коллег, их промахов и достижений имеет вполне очевидное и существенное корректирующее значение.

Однако в 60-е – 70-е годы в советском литературоведении принцип историзма и обязательного учета идеологического, социо-культурного и т.п. контекстов действовал неукоснительно, и монографии Ребер объективно противостояли такие работы, как, например, книга А. Б. Ботниковой *Э.-Т.-А. Гофман и русская литература: (Первая половина XIX века). К проблеме русско-немецких литературных связей* (Ботникова, 1977). Типологическое сходство стилевых мотивов Гофмана и Достоевского раскрывалось здесь в русле культурной традиции через категорию творческого метода.

В следующем томе *Марбурјских записок* из тех, что посвящены русистике, была опубликована диссертация Аннетты Эльбель *Повести Ивана Бунина 1890–1917 гг. Системное исследование формы и содержания* (Elbel, 1975).

Достоинство книги Эльбель выражалось в ее текстоцентричности. Плоский биографизм, произвол психологизма и «дурной социологизм» (Эльбель, 1975: 195) исследовательница отвергала принципиально, и именно через текст, через анализ тонких стилистических средств она стремилась постичь «внутреннюю форму» бунинских произведений. В книге подробно рассмотрены типы излюбленных бунинских сюжетов, особенности его «бес-

сюжетных» рассказов, система речевого поведения персонажей, композиционные факторы произведений писателя, тщательно исследована фабула повести *Деревня* – и в каждой из этих сфер Эльбель продемонстрировала высокое мастерство скрупулезного анализа художественной формы, чего очень недоставало советскому буниноведению того времени. Однако категорический отказ от «дурного социологизма» приводил к другой крайности – к неоправданному отрицанию всяких корреляций бунинского творчества с современным ему социумом. Так, рассказ *Господин из Сан-Франциско* рассматривался Эльбель без учета явных и резких инвектив Бунина по поводу капитализма только как внетемпоральное абстрактно-художественное размышление на тему смерти.

В 1968 году в Марбурге параллельно с *Марбургскими записками* стала издаваться новая серия *Основы истории литературы славян* (*Bausteine zur Geschichte der Literatur bei den Slaven*), в первом выпуске которой была опубликована фундаментальная монография Х. Роте *Европейское путешествие Н. М. Карамзина: начало русского романа. Филологическое исследование* (Rothe, 1968).

Данная самая авторитетная немецкоязычная монография о Карамзине примечательна тем, что в предисловии к ней автор неожиданно для представителя близкой к формализму марбургской школы констатировал необходимость «выходить за пределы формальных исследований» и в дальнейшем продемонстрировал плодотворность такого «выхода». В данном случае это был выход в сферу изучения особенностей «самовыражения» Карамзина, в психологию творчества писателя. Работа Роте интересна также основательным обзором западноевропейских литературных связей Карамзина, но в каноны советского литературоведения книга не вписывалась из-за отсутствия должной меры историзма (Кочеткова, 1971: 225–228).

В дальнейшем инициаторы второй марбургской серии в основном сосредоточили свое внимание на издании антологии древних и редких текстов, литературных документов, переиздании старых литературоведческих трудов, что явилось, если дополнительно иметь в виду высочайшую квалификацию составителей и издателей, неоспоримо ценным вкладом в общеевропейское славяноведение.

Работы «марбургской школы» таким образом становились для советских литературоведов своего рода примером самого пристального внимания к тексту и побуждали их вернуться к старым российским традициям тщательного изучения литературных форм. Необходимости отказываться от столь же традиционного в нашем литературоведении историзма при этом, конечно же, не существовало.

Близкими к работе Роте по стремлению в той или иной мере учесть внесхемное национальное своеобразие русской литературы являются книги: Ганса Бернда Гардера *Шиллер в России* (1969), Вильмы Поль *Русские переводы*

"Фауста" (1962), Хильдегарды Эйхштедт Жуковский как переводчик (1973), Аннелоры Энгель-Брауншмидт *Немецкие поэты в России в XIX веке* (1973)³.

Тщательный анализ художественного текста русских писателей стал научной основой работ многих немецких исследователей, опиравшихся на методологическое «искусство интеграции» Эмиля Штайгера и концепцию «словесного искусства» Вольфганга Кайзера, которые во многом исходили из идей русских формалистов⁴.

О серьезном внимании к русской формальной школе свидетельствует появление немецкого перевода известной книги американского ученого В. Эрлиха *Русский формализм* и издание с 1967 г. специального журнала "Poética", ориентированного на изучение и распространение научных взглядов Б. М. Эйхенбаума, В. Б. Шкловского и других лучших представителей русской формальной школы. В 1969 г. в Германии под редакцией Ю. Штридтера был издан капитальный двухтомник *Тексты русских формалистов*.

Данное направление в немецкой русистике позволило целому ряду видных ученых сосредоточиться на узко специальных проблемах русской литературы. Так, жанровые особенности русской повести, исторического романа и классической драмы рассмотрены в работах П. Бранга (Brang, 1960), В. Шамшулы (Schamschula, 1964) и Х. Хардера (Härder, 1949).

Хильдегарда Шредер посвятила капитальную монографию стихотворным сатирическим жанрам: *Русская стихотворная сатира XVIII века* (Schroeder, 1962).

Повествовательную структуру в стихотворном эпосе Пушкина подробно исследовала Карла Хильшер (Hielscher, 1966).

Очень детально технику изображения литературного героя у Гоголя рассматривает Вольфганг Казак (Kasack, 1957).

С известной концепцией Вольфганга Кайзера, полагавшего, что гротеск у Гоголя есть антиреалистическая отвлеченная «игра с абсурдом» и «открытие демонического мира» (Kayser, 1957) убедительно полемизирует Ганс Гюнтер (Günther, 1968), доказывающий, что гоголевский гротеск связан с реальностью и ее сатирическим отображением.

Со второй половины 70-х годов и до наших дней образцами профессиональной специализации немецких русистов стали многочисленные сборники – юбилейные, тематические и посвященные съездам славистов.

³ См. об этом работы Левина Ю.Д. в Списке литературы

⁴ Об общих методологических позициях немецкого литературоведения в 60-е - 70-е годы см.: (Фридлендер, 1966; Кожинов, 1959); В понимание научных традиций немецкого литературоведения вводят следующие работы: (Жирмунский, 1927; Шиллер, 1934)

В сборнике, подготовленном немецкими славистами к VIII Международному съезду, 23 статьи из 40 были посвящены русистике – о русском романтизме, Чехове и Блоке.

В следующем аналогичном сборнике русистике посвящены 25 из 38 статей, и среди них – статьи о Брюсове, о творчестве русских писательниц и семь статей о русско-европейских литературных связях.

Из персональных пристрастий немецких русистов следует выделить взрывной интерес к творчеству Чехова, отчетливо обозначившийся на Международном Чеховском симпозиуме (Баденвейлер, октябрь 1985) и входящий сейчас в ренессансную пору⁵.

По-прежнему активно разрабатывается традиционная тематика немецко-русских связей, в том числе и на уровне немецкого «краеведения» (Zollner, 1981).

В изучении русской рецепции немецких философских идей после времен «гердериянства» (Bittner, 1959), «шеллингианства» (Setschkareff, 1939; Bielfeldt, 2008a; 2012b) и «гегельянства» на первые позиции вышла проблема восприятия в России философии Шопенгауэра (Baer 1980; McLaughlin 1984; Thiergen 1986) и Ничше (Heftrich, 2003; Koroliov, 2007; Poljakova, 2013).

В целом, проблемы взаимодействия немецкой философии и русской литературы нередко рассматриваются в широком контексте различных проявлений национальных культур: в живописи, публицистике, философии и т.д.

С 1985 года в Германии в исследовательском центре немецко-русских связей при университете Вупперталя под руководством Льва Копелева начала выходить серия публикаций под общим названием *Zwisch und Zwischen in der Welt der Dinge* (*West-östliche Spiegelungen*). Серия разделена на два цикла: *Русские и Россия с немецкой точки зрения* и *Немцы и Германия с точки зрения русских*, в которых раскрывается история развития представлений русских и немцев друг о друге.

Рабочая группа Вуппертальского проекта задалась целью на основе документированных фактов в хронологическом порядке изучить взаиморецепцию двух великих наций. При этом понятия «нация», «национальная культура» подчеркнуто отделяются от понятий «государство», «партия» и прочих административно-политических институтов, исторические деяния которых, порой преступные, пытались ранее неадекватно объяснять и даже оправдывать особенностями «национального характера».

Подобная коррекция взглядов на взаимовлияния двух национальных культур представляется нам продуктивной для переосмысления многих чрезмерно заидеологизированных компаративистских схем, в том числе лежащих

⁵ До симпозиума эта тенденция уже намечалась в работах: (Schultze 1984, Steltner 1980).

в основании «остфоршунга» и «гайстесгешихте», а также российских мифологем о «тлетворном влиянии Запада».

Подобные суждения, очевидно, необходимо иметь в виду, анализируя особенности западной рецепции явлений русской литературы, так как они во многом определяют в современной компаративистике основные векторы западноевропейского научного дискурса. Наиболее существенно здесь то, что в последние десятилетия хотя бы на уровне «нации», пусть и противостоящей «государству», учитывается национальная самобытность, не принимавшаяся во внимание при доминировании идей «остфоршунга».

Особое место в современных исследованиях занимают изучение взаимосвязей европейской и русской литературных традиций и компаративистский анализ различных аспектов русской словесности в мировом контексте. Такой подход позволяет понимать русскую литературу не изолированно, а как часть более широкого литературного поля.

Показательна в этом отношении статья П. Тиргена о «самосознании» русской литературы, в которой понятия самобытности и общечеловечности рассмотрены в диалектическом сочетании национального своеобразия и межнациональной культурной общности (Thiergen, 1978).

Более широкому осмыслению общности самобытных культур, социально-исторической конкретизации исследований, распространению «коммуникативной методики», выросшей на достижениях «духовно-исторической» школы, способствует в последние десятилетия все более пристальное внимание западных ученых к российскому литературоведению. Об этом свидетельствует детальное реферирование и рецензирование трудов российских ученых в *Журнале по славянской филологии*, в ведущем компаративистском журнале Германии *Arcadia* и др.

Постоянно расширяется и становится все более доступным и сам материал исследования, т.е. круг издающихся в Германии переводов произведений русских литераторов и ученых. Неуклонно расширяется массив переводов русской прозы, заложенный еще в XVIII веке и подробно описанный в тщательно составленных немецких библиографических изданиях. Данной теме требуется посвятить отдельный обзор.

Специального обзора вполне заслуживает славяноведение ГДР, развивавшееся в течение четырех послевоенных десятилетий на базе иных, нежели западногерманская славистика, методологических принципов. Однако, подробные обзоры восточногерманской русистики уже сделаны в названных выше обстоятельных работах А. Григорьева, Р. Данилевского и других отечественных ученых.

Счастливым образом, в современном тысячелетии произошел отход от методологий, ассоциированных с такими парадигмами, как «Ostforschung», «Geistesgeschichte», марксизм, соцреализм и им подобных. В то же время, исследовательский дискурс претерпел значительное расширение, обусловлен-

ное появлением новых тенденций в мировом гуманитарном пространстве, включая инновационные подходы к анализу художественных текстов.

Рассмотреть весь объем новых исследований в рамках одной статьи не представляется возможным, что, безусловно, свидетельствует об интенсивном развитии славистики. Один только издательский дом Peter Lang, в рамках серии Slavic Studies, выпустил 313 работ, охватывающих широкий спектр тем: от языков и литературы до истории, культуры, социальной жизни и политического устройства России и других славянских стран. Не менее разнообразны и *Трирские исследования по славистике*, посвященные славянскому литературоведению и языкознанию, включая такие направления, как русский символизм, русская (религиозная) философия, русская поэзия XX и XXI веков, теоретическая и прикладная лингвистика и социолингвистика. Учитывая такое тематическое и методологическое разнообразие, мы ограничимся кратким обзором наиболее интересных изданий последнего времени, чтобы продемонстрировать общую тенденцию расширения границ славистики в новом тысячелетии.

Все больше исследований посвящено авторам и произведениям русской диаспоры, эмиграции или, так называемой «возвращенной литературе» (Gerigk, 2018; Davids i Poljakov, 2008; Poljakov, Danilevskij i Dotsenko, 2016; Lachmann, 2002). Ожидаемо, все более отчетливо проявляется феминистский дискурс (Behrisch, 2007; Reich, 2013; Gramshammer-Hohl, 2014; Peschanskyi, 2024). Исследовательское поле современных славистов также заметно расширилось благодаря включению в него авторов, которые обрели статус классиков русской словесности лишь на более поздних этапах, таких как: И. Бунин (Böhmg & Thiergen, 2016); Андрей Белый (Stahl-Schwaetzer, 2002); И. Анненский, М. Кузьмин, И. Бабель (Balke, 2009; Guntermann, 2001); М. Цветаева (Burghart, 2013; Jandl, 2013); А. Ахматова (Swierszcz, 2003); Б. Пастернак (Zehnder, 2015; Steltner, 2017); В. Набоков (Balestrini, 2009); И. Бродский (Herlth, 2003; 2004; Baumgärtner, 2007) и другие писатели и поэты XX-го века. Есть работы, целиком или частично, посвященные современной литературе (Vassilieva, 2014) и ныне живущим авторам (Ganschow, 2013; Eichwald, 2013). Компаративистский подход отражен в монографиях (Hepp, 2000; Schmid, 2009; Ebert, 2010; Efimova, 2018). В 2000-м году вышло несколько обобщающих работ по истории русской литературы и ее восприятию в немецкоязычном пространстве: (Kasack, 1989; Warnke, 2000).

Отмечается значительное увеличение объема работ общетеоретического характера. Данная тенденция проявляется в углубленном анализе поэтики, структурных закономерностей, стилистических особенностей как отдельных авторских работ, так и целых литературных направлений. Параллельно происходит интенсивное изучение доминирующих культурных идеологем, специфических художественных приемов, эволюции художественной мысли, а также концептуализации культурных смыслов. Так, например, настоящим вкладом в развитие теории литературы, с точки зрения структур-

ной типологии, признается работа Леоновой М. *Изменения в тенезисе смысла в русской литературе от романтизма к постмодернизму: структурная типология* (Леонова, 2014), защищенная в качестве диссертации в Геттингском университете в декабре 2013 г. Исследование предлагает оригинальную интерпретацию развития русской литературы. В нем предпринимается попытка концептуализации эволюции русской литературы посредством применения понятийного аппарата теории хаоса, а именно: «странного аттрактора», «фрактала» и «бифуркации». Проведен компаративно-структурный и интертекстуальный анализ текстов, относящихся к пяти ключевым литературным эпохам: романтизму, реализму, символизму, неореализму и постмодернизму⁶. Сборник *Текстовая связность и повествование: исследования русских реалистических и модернистских текстов* (Lehmann & Hodel, 2008) посвящен компаративному анализу прозаических текстов эпохи реализма и Нового времени с целью выявления их определяющих отличительных признаков. В рамках парадигмы современных исследований в области текстовой семантики и нарратологии, осуществляется верификация существующих критериев разграничения указанных периодов, а также формулируются новые, способствующие более исчерпывающему описанию эпохальной трансформации русской прозы. Значительное внимание уделяется формализации аналитических процедур и их возможному количественному анализу посредством компьютерных средств. (Fischer, 2012; Zelinsky, 2018).

Исследованию пространственных образов в русскоязычной литературе, рассматриваемых как культурно детерминированные, посвящена книга Эриха Пойнтера (Poynter, 2015). Автор показывает, как культурные представления о пространстве влияют на структуру текстов и вступают в конфликт с эмпирической реальностью. Этот конфликт, наряду со столкновением различных культурных концепций пространства, имеет существенное значение для восприятия литературы. Исследование охватывает произведения от *Слова о полку Игореве* до работ Пелевина и Лукьяненко.

В последние десятилетия можно наблюдать некоторое смещение географического фокуса от традиционно особого внимания германской славистики к русской литературе и истории к расширению интереса в отношении других славянских стран и культур. См. подробнее: (Aumüller и Willms, 2020; Okuka, 2003; Valjan, 2020; Movchan, 2023)⁷.

Появилось множество интересных работ по смежным дисциплинам: лингвистике, культурологии, лингвокультурологии, религиоведению, философии, истории (Terekhova et al., 2025; Schilk, 2010), которым можно посвятить отдельную статью.

⁶ См. также: Kafitz, 2008.

⁷ См. также список работ по славистике серии Slavistische Beiträge, которая в 2000-2025 гг. выходила в трех разных издательствах и была посвящена изучению языков, литературы, культуры, философии и истории разных славянских стран.

В последние годы тематическое разнообразие продолжает расширяться в изучении всех аспектов гуманитарной мысли вплоть до появления таких экзотических работ как: *Язык протоколов и резолюций старообрядческих собраний* (Lüdke, 2016); *Русская интернет-терминология* (Bruns, 2001); *Гражданская война за слова: русская литературная критика перестройки* (Menzel, 2001) и т.п.

Из вышеизложенного следует, что германская славистика, несмотря на некоторые дискурсивные ограничения, обладает давней традицией и демонстрирует сложное, но перспективное современное состояние. Основные направления ее развития включают широкий спектр исследований, охватывающий все: от классической литературы до современной культуры, лингвистики, истории, кино (Franz, 2024) и политики. Славистика в Германии все больше развивается в направлении интердисциплинарности и сотрудничества с другими областями знания, а также активно участвует в международных проектах и сотрудничает с коллегами из других стран. Важную роль играет также развитие цифровых гуманитарных наук, предоставляющее возможность активного использования цифровых технологий для проведения исследований и преподавания, включая создание цифровых архивов и онлайн-курсов. Актуальное политическое влияние, представляющее серьезный вызов академической деятельности, сознательно не рассматривается в рамках данного филологического и культурологического обзора. В целом, германская славистика имеет хорошие перспективы, обусловленные интердисциплинарными подходами, внедрением цифровых технологий и укреплением международных связей.

Список литературы

- Берков, П. (1930). Изучение русской литературы иностранцами в XVIII веке. *Язык и литература*, (V), 87–136.
- Ботникова, А. (1977). Э.-Т.-А. Гофман и русская литература: (Первая половина XIX века). К проблеме русско-немецких литературных связей. Воронеж: ВГУ.
- Григорьев, А. (1977). *Русская литература в зарубежном литературоведении*. Ленинград: Наука.
- Данилевский, А., Доценко, С. и Поляков, Ф. (ред.) (2016). Культура русской диаспоры: судьбы и тексты эмиграции: *Сборник статей под редакцией* (Russian Culture in Europe). Frankfurt am Main, Bern, Bruxelles, New York, Oxford, Warszawa, Wien: Peter Lang.
- Жирмунский, В. (1927). Новейшие течения историко-литературной мысли в Германии. Поэтика. *Временник отдела словесных искусств Государственного института истории искусств*. (2), 5–28.

- Кожин, В. (1959). Нейтрализм в теории литературы (о трактате В. Кайзера). В А. Дементьев, А. Пузиков и Я. Эльсберг (ред.), *Против буржуазных концепций и ревизионизма в зарубежном литературоведении*. (188–213). Москва: Государственное издательство художественной литературы.
- Кочеткова, Н. (1971). Монография о литературном творчестве Карамзина. *Русская литература*, (3), 225–228.
- Левин, Ю. (1971). Иностранные работы о восприятии в России Гете и Шиллера. *Русская литература*, (1), 208–216.
- Левин, Ю. (1973). Зарубежные работы о переводном творчестве В. А. Жуковского. *Русская литература*, (3), 229–235.
- Левин, Ю. (1976). Исследование русских переводов немецкой поэзии. *Русская литература*, (3), 218–221.
- Фридлендер, Г. (1966). К критике методологических позиций современного буржуазного литературоведения. *Вопросы методологии литературоведения*, 56–101.
- Шиллер, Ф. (1934). *Литературоведение в Германии*. Москва: Художественная литература.
- Ягич, В. (1910). *Истории славянской филологии*. СПб.: Издание Императорской академии наук.

- Aumüller, M., Willms, W. (Hrsgg.) (2020). *Migration und Gegenwartsliteratur: Der Beitrag von Autorinnen und Autoren osteuropäischer Herkunft zur literarischen Kultur im deutschsprachigen Raum*. Paderborn: Brill | Fink.
- Baer, J. (1980). *A. Schopenhauer und russische Literatur des späten XIX. und frühen XX. Jhs.* Frankfurt a.M: Peter Lang.
- Balestrini, N. (2009). *Vladimir Nabokovs Erzählwerk. Eine Einführung*. München: Otto Sagner.
- Balke, F. (2009). *Europäische Oper und russische Moderne: Musiktheatralisches in Texten Innokentij Annenskij, Michail Kuzmins und Isaak Babel's*. Frankfurt am Main: Peter Lang.
- Bauer, E. (1890). *Naturalismus Nihilismus in der russischen Dichtung*. Berlin: H. Lüstenöder.
- Baumgärtner, I. (2007). *Wasserzeichen: Zeit und Sprache im lyrischen Werk Iosif Brodskij*. Köln; Weimar; Wien: Böhlau.
- Behrisch, E. (2007). „Aber Lots Weib blickte zurück...“: *Der Dialog mit der Bibel in der Dichtung Anna Achmatovas*. Köln; Weimar; Wien: Böhlau.
- Bielfeldt, S. (2008). *Selbst oder Natur. Schellings Anfang in Rußland*, München: Otto Sagner.
- Bielfeldt, S. (2012). „Der schwere Schritt in die Wirklichkeit.“ *Schelling und Bakunin*, München; Berlin; Washington, DC: Otto Sagner.
- Bittner, K. (1959). J. G. Herder und V. A. Zukovskij. *Zeitschrift für Slavische Philologie*, (28) 1, 1–44.

- Bittner, K. (1956). Herder J. G. und A. N. Radiscev. *Zeitschrift für Slavische Philologie*, (25), 8–53.
- Bittner, K. (1961). Ivan Sergeevic Aksakov. *Die Welt der Slaven*, (3), 241–263.
- Böhmig, M., Thiergen, P. (Eds.) (2016). *Ivan A. Bunins „Gospodin iz San-Francisko“: Text – Kontext – Interpretation (1915–2015)*. Köln; Weimar; Wien: Böhlau.
- Brang, P. (1960). *Studien zur Theorie und Praxis der russischen Erzählung, 1770–1811*. Wiesbaden: Harrassowitz.
- Braun, M. (1947). *Russische Dichtung im XIX. Jh.* Hannover: Richard Beeck.
- Braun, M. (1958). *Der Kampf um die Wirklichkeit in der russischen Literatur*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 37.
- Braun, M. (1973). *N. W. Gogol: Eine literarische Biographie*. München: Trofenik.
- Braun, M. (1976). *Dostojewskij: Das Gesamtwerk als Vielfalt und Einheit*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht.
- Braun, M. (1978). *Tolstoj: Eine literarische Biographie*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht.
- Bruns, T. (2001). *Russische Internet-Terminologie*. Frankfurt am Main: Peter Lang.
- Brückner, A. (1905). *Geschichte der russischen Literatur*. Leipzig: C.F. Amelang.
- Burghart, A. (2013). *Raum-Kompositionen: Verortung, Raum und lyrische Welt in den Gedichten Marina Cvetaevas*. Frankfurt am Main: Peter Lang.
- Caspers, O. (2012) *Ein Schriftsteller im Dienst der Ideologie. Zur Dostoevskij-Rezeption in der Sowjetunion*. München; Berlin: Otto Sagner.
- Cizewski, D. (1952). *Outline of comparative Slavic Literatures*. Boston: American Academy of Arts and Sciences.
- Conradi, W. (2003). *Puškin und die Bibel. Dargestellt an der Gavriiliada und dem Prorok*. Hamburg: Dr. Kovač.
- Davids A. & F. Poljakov (eds.) (2008). *Die russische Diaspora in Europa im 20. Jahrhundert. Religiöses und kulturelles Leben*. Frankfurt am Main, Berlin, Bern, Bruxelles, New York, Oxford, Wien: Peter Lang.
- Ebbinghaus, A. (2004). *Puškin und Rußland: Zur künstlerischen Biographie des Dichters*. Wiesbaden: Harrassowitz.
- Ebert, Ch. (2010). *Literatur in Osteuropa: Russland und Polen*. Berlin: De Gruyter.
- Efimova, S. (2018). *Das Schriftsteller-Notizbuch als Denkmedium in der russischen und deutschen Literatur*. Paderborn: Wilhelm Fink.
- Eichwald, E. (2013). *Suche nach Identität und ihr Wandel in der postkommunistischen russischen Gegenwartsliteratur. Eine literaturwissenschaftliche Analyse ausgewählter Werke von Viktor Pelevin und Vladimir Makanin*. Hamburg: Dr. Kovač.
- Elbel, A. (1975). *Die Erzählungen Ivan Bunins 1890–1917. Eine systematische Studie über Form und Gehalt*. Giessen: W. Schmitz.
- Eliasberg, A. (1922). *Russische Literaturgeschichte in Einzelporträts*. München: Beck.

- Fischer, C. (2012). *Sinnbilder Russlands im geteilten Deutschland. Die Rezeption russischer Lyrik in deutschen Literaturzeitschriften (1945–1990)*. Frankfurt am Main u.a.: Peter Lang.
- Franz, N. (2019). „So, Sie meinen also, es gibt ihn nicht?“ *Der Teufel in der russischen Literatur*. Potsdam: Universitätsverlag.
- Franz, N. (2024) *Der russische Krimi. Buch und Film. Von Škljarevskij bis Akunin*, Potsdam: Universitätsverlag.
- Ganschow, I. (2013). *Medien und Buddhismus in Viktor Pelevins Roman «Buddhas kleiner Finger» (Čapaev i Pustota): Gefangenschaft und Befreiung*. Frankfurt am Main, Berlin, Bern, Bruxelles, New York, Oxford, Wien: Peter Lang.
- Gerigk, H.-J. (2000). *Dostojewskij, der „vertrackte Russe“. Die Geschichte seiner Wirkung im deutschen Sprachraum vom Fin de siècle bis heute*. Tübingen: Attempto.
- Gerigk, H.-J. (2011). *Puschkin und die Welt unserer Träume. Zwölf Essays zur russischen Literatur des 19. und 20. Jahrhunderts*. Ulm: Humboldt-Studienzentrum der Universität Ulm.
- Gerigk, H.-J. (2013). *Dostojewskijs Entwicklung als Schriftsteller. Vom „Toten Haus“ zu den „Brüdern Karamasow“*. Frankfurt am Main: S. Fischer.
- Gerigk, H.-J. (2018). *Vom Igor-Lied bis Doktor Schiwago. Lesetipps zur russischen Literatur*. Heidelberg: Mattes.
- Gramshammer-Hohl, D. (2014). *Repräsentationen weiblichen Alterns in der russischen Literatur. Alt sein, Frau sein, eine alte Frau sein*. Hamburg: Dr. Kovač.
- Guntermann, I. (2001). *Mysterium Melancholie: Studien zum Werk Innokentij Annenskij*s. Köln; Weimar; Wien: Böhlau.
- Günther, H. (1968). *Das Groteske bei N. V. Gogol. Formen und Funktionen*. München: Sagner.
- Härder, H. (1949). *Studien zur Geschichte der russischen klassizistischen Tragödie. 1747–1779*. Wiesbaden: Harrassowitz.
- Härder, J. (1961). *Der Mensch in russischen Roman*. Wuppertal: Jugenddienst.
- Hartmann, A. (2013). „Hüte deine Ehre von Jugend an“. *Zur Diskursivität der Ehre in der russischen Literatur unter besonderer Berücksichtigung der Werke A. S. Puškins*. Frankfurt am Main: Peter Lang.
- Heftrich, U., Ressel, G. (Hrsgg.) (2003). *Vladimir Solov'ev und Friedrich Nietzsche. Eine deutsch-russische kulturelle Jahrhundertbilanz*. Frankfurt am Main u.a.: Peter Lang.
- Hepp, U. (2000). *Untersuchungen zur Psychostillistik: Am Beispiel des Briefwechsels Rilke – Čvetaeva – Pasternak*. Wiesbaden: Harrassowitz.
- Herlth, J. (2003). Die Präsenz des Abwesenden. Zur Poetik von Iosif Brodskij's „Rimskie elegii“. Frankfurt am Main u.a.: Peter Lang.
- Herlth, J. (2004). *Ein Sänger gebrochener Linien: Iosif Brodskij's dichterische Selbstschöpfung*. Köln; Weimar; Wien: Böhlau.
- Hielscher, K. (1966). *A. S. Puskins Versepiik. Autoren – Ich und Erzählsrstruktur*. München: Otto Sagner.

- Holthusen, J. (Hrsg.) (1978) *Slavistische Studien zum VIII. Internationalen Slavistenkongress in Zagreb*. Köln; Wien.
- Jandl, I. (2013). *Rhythmik und Lautstrukturen in Marina Cvetaevas Versdramen „Ariadna“ und „Fedra“*. Hamburg: Dr. Kovač.
- Kafitz, V. (2008). *Sprachartistische Lyrik: Gemälde- und Skulpturengedichte des russischen Symbolismus*. Köln; Weimar; Wien: Böhlau.
- Kampman, T. (1931). *Dostojewski in Deutschland*. Münster: Helios.
- Kasack, W. (1957). *Die Technik der Personendarstellung bei N. V. Gogol*. Wiesbaden: Harrassowitz.
- Kasack, W. (1989). *Russian Literature 1945–1988*. München: Otto Sagner.
- Kayser, W. (1957). *Das Groteske, Seine Gestaltung in Malerei und Dichtung*. Oldenburg: G. Stalling.
- Keil, R.-D. (2011). *Puškin- und Gogol'-Studien*. Köln; Weimar; Wien: Böhlau.
- Klein, J. (2008). *Russische Literaturgeschichte des 18. Jahrhunderts*. Köln; Weimar; Wien: Böhlau.
- Kluge, R.-D. (2021) *Dostojewskij. Eine Einführung in Leben, Werk und Wirkung*. Darmstadt: wbg Academic.
- Kogut, M. (2009). *Dostoevskij auf Deutsch. Vergleichende Analyse fünf deutscher Übersetzungen des Romans "Besy- "Im Anhang Interviews der Autorin mit Swetlana Geier und Egon Ammann*. Frankfurt am Main, Berlin, Bern, Bruxelles, New York, Oxford, Wien: Peter Lang.
- König, H. (1837). *Literarische Bilder aus Russland*. Stuttgart – Tübingen: J. G. Cotta.
- Koroliov, S. (2007). *Lev Šestovs Apotheose des Irrationalen. Mit Nietzsche gegen die Medusa*. Frankfurt am Main u.a.: Peter Lang.
- Koschmal, W. (2023). *Dostoevskij verstehen: Zur Magie Der Sprache*. Paderborn: Brill | Fink.
- Kravets, J. (2009). *Das „Bo`se“ im russischen Symbolismus: Bal'mont – Brjusov – Sologub – Remizov – Belyj – Blok*. München: Otto Sagner.
- Lachmann, R. (2002). *Erzählte Phantastik. Zu Phantasiegeschichte und Semantik phantastischer Texte*. Frankfurt am Main: Suhrkamp.
- Lauer, R. (2000). *Geschichte der russischen Literatur. Von 1700 bis zur Gegenwart*. München: C.H. Beck.
- Lehmann, V., Hodel, R. (2008). *Textkohärenz und Narration: Untersuchungen russischer Texte des Realismus und der Moderne*. Berlin: De Gruyter.
- Leonova, M. (2014). *Wandel der Sinngenese in der russischen Literatur von der Romantik bis zur Postmoderne: Eine strukturelle Typologie*. Wiesbaden: Harrassowitz.
- Lüdke, E. (2016). *Die Sprache der Versammlungsprotokolle und -beschlüsse der Altgläubigen*. Frankfurt am Main: Peter Lang.
- Luther, A. (1924). *Geschichte der russischen Literatur*. Leipzig: Bibliographisches Institut.
- McLaughlin, S. (1984). *Schopenhauer in Russland: Zur Literarischen Rezeption bei Turgenjev*. Wiesbaden: Harrassowitz.

- Menzel, B. (2001). *Bürgerkrieg um Worte. Die russische Literaturkritik der Perestrojka*. Köln; Weimar; Wien: Böhlau.
- Movchan, Y. (2023). *Vergleichende Analyse von Tempussystemen in slavischen Sprachen*. Hamburg: Dr. Kovač.
- Müller, E. (1966). *Russische Intellekt in europäischer Krise. Ivan V. Kirievsky (1806–1856)*. Köln: Böhlau.
- Murašov, J. (2016). *Das unheimliche Auge der Schrift. Mediologische Analysen zu Literatur, Film und Kunst in Russland*. Paderborn: Wilhelm Fink.
- Neuhäuser, R. (2008). *Dostojewskij im Kreuzverhör. Ein Klassiker der Weltliteratur oder Ideologe des neuen Rußland? Zwei Abhandlungen*. Heidelberg: Mattes.
- Neumann, F. (1956). Die Entwicklung in der russischen Literatur unter dem Sowjetregime. *Sowjetsystem in der heutigen Welt*. München, Isar, 139–162.
- Neumann, F. (1960). Deutschland in russische Schriften. *Die Welt der Slaven*, (2), 113–130.
- Nötzel, K. (1915). *Das heutige Russland; eine Einführung in das heutige Russland an der Hand von Tolstois Leben und Werken*. München und Leipzig: G. Müller.
- Nötzel, K. (1920). *Einführung in den russischen Roman: Versuch einer Deutung der russischen Geistigkeit und der russischen Formgebung*. München: Musarion.
- Nötzel, K. (1925). *Das Leben Dostojewskijs*. Leipzig: H. Haessel.
- Okuka, M. (2003). *Deutsch-serbische Kulturbeziehungen im Spiegel des Volksliedes. Talvj-Therese Albertine Luise von Jakob (1797–1870)*. Hamburg: Dr. Kovač.
- Olesch, R. (Hrsg.) (1983). *Slavistische Studien zum IX. Internationalen Slavistenkongress*. Kiev, Köln; Wien.
- Peschanskyi, V. (2024). *Die tote Frau als Ikone. Zur Verbindung von Tod, Weiblichkeit und (Heiligen-)Bild bei Fedor Dostoevskij, Vasilij Perov, Ivan Turgenev und Evgenij Bauer*. Paderborn: Brill | Fink, 2024.
- Philipp, F.-H. (1959). *Tolstoj und der Protestantismus*. Giessen: Kommissionsverlag W. Schmitz.
- Poljakova, E. (2013). *Differente Plausibilitäten. Kant und Nietzsche, Tolstoi und Dostojewski über Vernunft, Moral und Kunst*. Berlin: De Gruyter.
- Polonskij, G. (1902). *Geschichte der russischen Literatur*. Leipzig: G. J. Goßchen.
- Poynter, E. (2015). *Prostranstvo: Intimer und öffentlicher Raum, Kosmos und Chaos in der russischen Literatur*. Frankfurt am Main: Peter Lang.
- Rammelmeyer, A. (1967). Russische Literatur in Deutschland. *Deutsche Philologie im Aufriss*, 3, 439–480.
- Reber, N. (1964). *Studien zum Motiv des Doppelgängers bei Dostojewskij und E. T. A. Hoffman*. Giessen: Schmitz.
- Reich, L. (2013). *«Miss GULAG» und die Rolle des Weiblichen Körpers in der russischen Literatur: von Anton Čechov bis Evgenija Ginzburg*. Frankfurt am Main: Peter Lang.
- Reinhold, A. (1886). *Geschichte der russischen Literatur: von ihren Anfängen bis auf die neueste Zeit*. Leipzig: Friedrich.

- Rothe, H. (1968). *N. M. Karamzins europäische Reise: der Beginn des russischen Romans*. Philologische Untersuchungen. Bad Homburg v.d.H., Berlin, Zürich: Gehlen.
- Rothe, H. (2009). *Puškin. Schicksal des Dichters, Wandlungen seiner Dichtung*. Paderborn: Schöningh.
- Rothe, H. (2013). *Dostojewskijs Stellung in der europäischen Literatur*. Paderborn: Schöningh.
- Rothe, H. (2020). *Tolstoj's „Krieg und Frieden“. Versuch einer Neubewertung*. Paderborn: Brill.
- Schamschula, W. (1964). *Der russische historische Roman von Klassizismus bis zur Romantik*. Meisenheim am Glan: Hain.
- Schilk, G. (2010). *Der Pfad. Narrative Perspektivierung aus textlinguistischer Sicht*. München; Berlin: Otto Sagner.
- Schmid, W. (Eds.) (2009). *Slavische Erzähltheorie: Russische und tschechische Ansätze*. Berlin: De Gruyter.
- Schmid, U. (2010). *Lew Tolstoi*. München: C.H. Beck.
- Schroeder, H. (1962). *Russische Verssatire im 18. Jahrhundert*. Köln – Graz: Böhlau.
- Schultze, B. (1984). *Studien zum russischen Literarischen Einakter: Von den Anfängen bis A. P. Cechov*. Wiesbaden: Harrassowitz.
- Setchkareff, W. (1949). *Geschichte der russischen literatur im Überblick*. Bonn: Athenäum.
- Setchkarev, W. (1959). *N. S. Leskov. Sein Leben und sein Werk*. Wiesbaden: Harrassowitz.
- Setchkarev, W. (1963). *Studies in the life and works of Innokentij Annenskij*. The Hague: Mouton & Co.
- Setschkareff, V. (1939). *Schellings Einfluss in der russischen Literatur der 20. und 30. Jahre des. XIX. Jhr.* Leipzig: Harrassowitz.
- Städtke, K. (Hrsg.) (2002). *Russische Literaturgeschichte*. Stuttgart; Weimar: J.B. Metzler.
- Stahl-Schwaetzer, H. (2002). *Renaissance des Rosenkreuzertums: Initiation in Andrej Belyjs Romanen „Serebrjanyj golub“ und „Peterburg“*. Frankfurt am Main: Peter Lang.
- Steltner, U. (1980). Zur Evolution des russischen Dramas: Ostrovskij und Cechov. *Die Welt der Slaven*, (25), 1–21.
- Steltner, U. (2017). *Über Rede in Vers und Prosa. Die Funktion der Formensprache im Roman Doktor Shiwago*. Frankfurt am Main: Peter Lang.
- Strauch, C.-D. (2018). *Tolstoj's Thanatos. Tod und Sterben im Werk von Lev Tolstoj*. Köln; Weimar; Wien: Böhlau.
- Swierszcz, A. (2003). *Die „literarische Persönlichkeit“ von Anna Achmatova. Eine Rekonstruktion*. Hamburg: Dr. Kovač.

- Terekhova, S., Begovic, K., Saprikina, O., Popovic, S. (Eds.) (2025). *Topical Problems of Studying the Modern Slavics: Language, Translation, Literature, Culture, History*. Berlin, Bruxelles, Chennai, Lausanne, New York, Oxford: Peter Lang.
- Thiergen, P. (1978). Transnationsgedanken und Imitationsformeln: zum Selbstverständnis der russischen Literatur des XVIII und XIX. Jhs. *Arcadia*, (13), 1.
- Thiergen, P. (1986). Probleme der russischen Schopenhauer – Rezeption. *Göttingische gelehrte Anzeigen*. (238), 240–266.
- Tschizewskij, D. (1964). *Russische Literaturgeschichte des 19. Jhs, T 1*. München: Eidos.
- Tschizewskij, D. (1967). *Russische Literaturgeschichte des 19. Jhs, T 2*. München: Wilhelm Fink.
- Tschizewskij, D. (1968). *Vergleichende Geschichte der slavischen Literaturen B 1*. Berlin: De Gruyter.
- Tschizewskij, D. (1972). *Vergleichende Geschichte der slavischen Literaturen B 2*. Berlin: De Gruyter.
- Tschizewskij, D. (1959). *Das heilige Russland. Russische Geistesgeschichte 1–17 Jahrhundert*. Hamburg: Rowohlt.
- Tschizewskij, D. (1961). *Russland zwischen Ost und West. Russische Geistesgeschichte 18–20. Jahrhundert*. Hamburg: Rowohlt.
- Valjan, A. (2020). *Die Sprachsituation in Bosnien und Herzegowina. Eine soziolinguistische Analyse der kroatischen Sprache in Bosnien und Herzegowina*. Hamburg: Dr. Kovač.
- Varnhagen von Ense, K. (1838). Сочинения Александра Пушкина. *Jahrbücher für Wissenschaftliche Kritik*, (61–64), 481–511.
- Vyslonzil, E. (Eds.) (2003). *Alexander S. Puschkin und das europäische Geistes – und Kulturleben*. Frankfurt/M., Berlin, Bern, Bruxelles, New York, Oxford, Wien: Peter Lang.
- Warnke, M. (2000). *Die Rezeption russischer Gegenwartsprosa in der Bundesrepublik 1976–2000. Versuch einer Chronologie*. Hamburg: Dr. Kovač.
- Wolfsohn, W. (1843). *Die schönwissenschaftliche Literatur der Russen*. Leipzig: Fort.
- Wolfsohn, W. (1851). *Russlands Novellendichter*. Leipzig: Brockhaus.
- Zabel, E. (1884). *Iwan Turgenjew. Eine Literarische Studie*. Leipzig: O. Wigand.
- Zehnder, Ch. (2015). *Axiome der Dämmerung: Eine Poetik des Lichts bei Boris Pasternak*. Köln; Weimar; Wien: Böhlau.
- Zelinsky, B. (Hrsg.) (2008). *Das Böse in der russischen Kultur*. Köln; Weimar; Wien: Böhlau.
- Zelinsky, B. (Hrsg.) (2018). *Die russische Erzählung*. Köln; Weimar; Wien: Böhlau.
- Zollner, H. (1981). *Greif und Zarenadler: Aus zwei Jahrhunderten badischrussischer Beziehungen*. Karlsruhe: Badenia.

СЛАВИСТИКА И РУСИСТИКА У ЊЕМАЧКОЈ

Резиме

Чланак је посвећен историји и савременом стању славистике и русистике у Немачкој. Аутор прати развој ове дисциплине од првих помена руске књижевности крајем XVII века и превода XIX века до институционализације у немачкој научној заједници, као и њен процват после Другог светског рата. Посебна пажња посвећена је истраживачким жанровима – биографијама, књижевним есејима и компаративним студијама – као и рецепцији руске књижевности у Немачкој: у почетку као „глас руске душе“, а потом као саставном делу светске класике. У чланку се разматра улога најзначајнијих истраживача и преводилаца који су обликовали русистику у Немачкој, деловање немачког књижевног друштва, као и развој академских центара. Савремени период карактерише ширење тематског и методолошког спектра: проучавање књижевности емиграције и „враћеног наслеђа“, примена интердисциплинарних приступа који обухватају историју, културологију, социологију и политикологију, раст интересовања за питања превођења, феминистички и постсовјетски дискурс, као и проучавање интеракција руске и других националних традиција. Развој дигиталних хуманистичких технологија омогућава стварање електронских архива и онлајн-ресурса, чинећи истраживања доступнијим. На крају се наглашава да немачка славистика има богату и угледну традицију која потиче из XVII века и данас успешно комбинује академску дубину са отвореношћу према новим методологијама, и на тај начин активно учествује у међународном хуманистичком контексту.

Кључне ријечи: славистика, русистика, Њемачка, класична књижевност, модернизам, универзитети, компаративистика